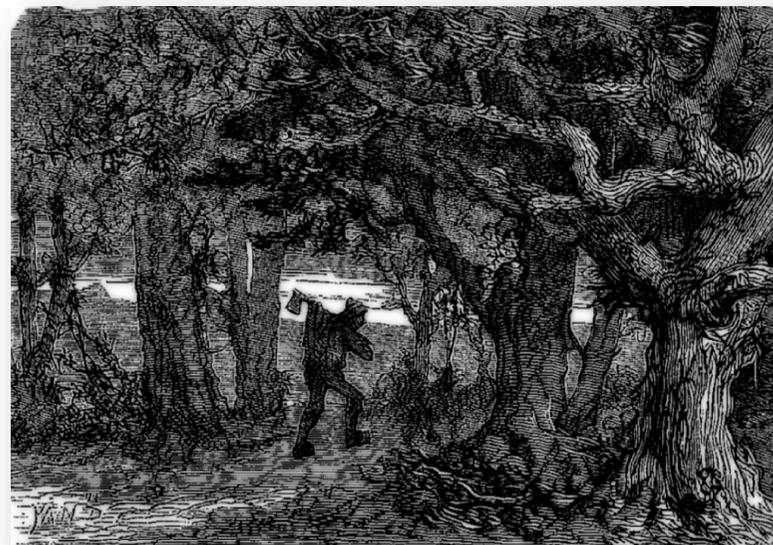

ЗЕРБИНО-НЕЛЮДИМ. Неаполитанская сказка.

ZERBIN LE FAROUCHE. GONTE NAPOLITAIN.

I.

Когда-то жил в Салерно молодой дровосек по имени Зербино. Не было у него ни денег, ни родни, ни друзей. Даже словом ему не с кем было перемолвиться. А бросать слова на ветер он не любил. Когда же человек ни с кем не разговаривает и никого ни о чём не спрашивает, то ему никто и не отвечает. А так как Зербино, вдобавок ко всему, не имел привычки совать нос в чужие дела, то соседи считали его дураком.

Они прозвали его Зербино-нелюдим, и прозвище это подходило к нему как нельзя лучше.

Рано утром, когда все в городе ещё спали, Зербино с топором на плече отправлялся в горы и весь долгий день бродил один по лесу.

А вечером, когда солнце уже садилось, он возвращался домой с вязанкой хворо-

ста, чтобы продать её и купить себе что-нибудь на ужин.

У фонтана, мимо которого проходил Зербино, каждый вечер собирались девушки со всего квартала — набрать в кувшин воды и почесать язычки. Ну и доставалось же от них бедному Зербино!

— Зербино! Зербино! — кричали они. — Иди-ка сюда, а то нам скучно одним.

— Расскажи нам что-нибудь, Зербино! Ты ведь мастер рассказывать.

— Спой нам песенку, Зербино! Ты поёшь лучше соловья.

— Зербино! Зербино! Кто из нас тебе больше по вкусу? К кому ты посватаешься? Ко мне?

— Или ко мне?

— Или, может, ко мне?

— К самой болтливой! — огрызался дровосек, грозя кулаком.

Дружный хохот провожал Зербино, когда он, словно кабан от охотников, убежал от них к себе домой.

Добравшись до своей хижины, он покрепче запирает дверь и садится ужинать.

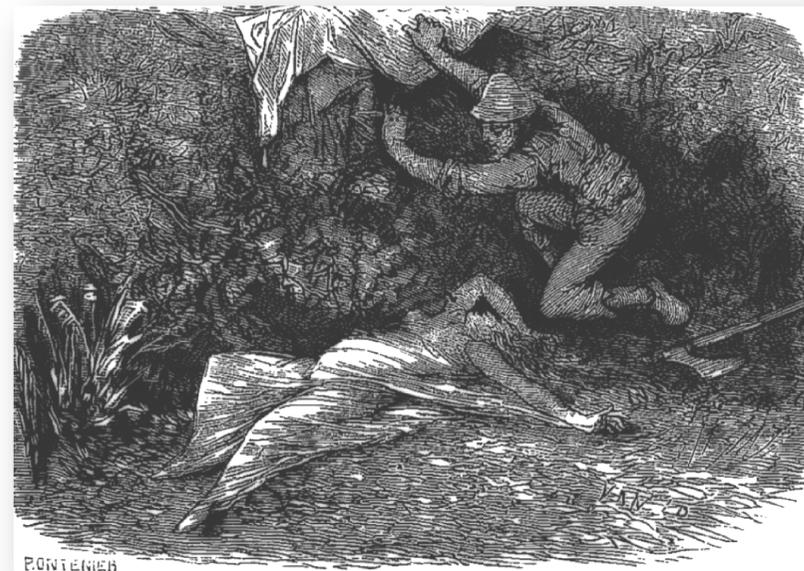
Ужин у него был немудрёный — кувшин воды и кусок хлеба. Подобрал всё до последней крошки, он заворачивался в старое, потёртое одеяло, ложился прямо на пол и крепко засыпал. Ничто не мешало его отдыху — ни сны, ни заботы, ни желанья.

И если счастье в том, чтобы ничего не желать, то самым счастливым человеком на свете был Зербино.

II.

Однажды Зербино работал в лесу, подсекая сучья у старого, твёрдого, точно камень, самшита. Он очень устал и решил отдохнуть под деревьями на берегу пруда. Каково же было его удивление, когда он увидел, что у самой воды на траве лежала красавица в платье из лебединых перьев! Красавица крепко спала.

— Уснуть в полдень на самом солнцепеке! — пробормотал Зербино. — И придёт же такое в голову!.. Нет, что ни говори, а у женщины ума — как у годовалого ребёнка.

Зербино снял с себя куртку, натянул её между ветвями деревьев и устроил над головой незнакомки навес, чтобы защитить её от солнечных лучей.

Только он кончил свою работу, как заметил в траве, в двух шагах от красавицы, гадюку. Змея подползла к ней, высунув ядовитое жало.

— Ишь ты! — сказал Зербино. — Такая маленькая и уже такая злая!

И, недолго думая, двумя ударами топора он разрубил змею на три части.

Но, и разрубленная, змея всё ещё старалась подползти к спящей красавице.

Тогда Зербино носком башмака столкнул в пруд змеиную голову, туловище и хвост, и они зашипели в воде, как раскалённое железо.

В эту самую минуту красавица открыла глаза и, увидев дровосека, воскликнула:

— Зербино! Это ты, Зербино?

— Подумаешь, новости! Я и сам знаю, что я Зербино, — ответил дровосек.

— Друг мой, — сказала красавица, — ты спас мне больше, чем жизнь! Поверь, я сумею отблагодарить тебя за твою услугу.

— И не думал я спасти вас, — пробурчал Зербино со своей обычной любезностью. — В другой раз не ложитесь в траву, не поглядывайте наперёд, нет ли там змей, — вот вам мой совет. А теперь не мешайте мне, я тоже хочу спать.

Он растянулся на траве и закрыл глаза.

— И тебе не нужно никакой награды? Ты ни о чём не просишь меня? — спросила красавица.

— Ну как же, очень прошу: оставьте меня в покое! — сказал Зербино. — Если человек ничего не хочет, значит, у него есть всё, чего он хочет. А если у него есть всё, чего он хочет, значит, он счастлив. Прощайте! — И он захрапел.

— Бедный юноша! — сказала красавица. — Твоя душа спит крепче, чем ты сам. Но что бы ты ни говорил, а я не буду неблагодарной. Без тебя я попала бы в руки злого волшебника, моего старинного врага. Без тебя мне пришлось бы превратиться в ужа

и сто лет ползать по земле в змеиной чешуе. Я у тебя в долгу за целый век красоты и молодости. Чем же мне заплатить тебе за твою услугу? А, знаю!.. Ты только что сказал: «Если у человека есть всё, чего он хочет, значит, он счастлив!» Пусть же у тебя будет всё, чего ты пожелаешь, пусть каждое твоё желание исполняется. Когда-нибудь ты добром помянешь за этот подарок фею вод!..

Она трижды взмахнула своей ореховой волшебной палочкой и пошла по серебристой водяной дорожке так легко, что вода даже не шелохнулась.

Навстречу ей раскрылись кувшинки и тростники склонили свои хохлатые головки. Волны, нежно звеня, расступились, и будто солнечный луч скользнул до самого дна.

Потом всё погасло, и стало тихо-тихо.

Только и слышно было, как храпит на берегу Зербино.

III.

Солнце уже спускалось за горы, когда дровосек проснулся. Он опять взялся за топор и принялся рубить неподатливое дерево, над которым бился с утра. Топор звенел на весь лес, но проку было мало. Обливаясь потом, Зербино только напрасно колотил по проклятому стволу.

— Эх, — сказал наконец Зербино, рассматривая свой зазубренный топор, — хотел бы я иметь топорик, который режет дерево, словно масло! И почему это ни один умник не смастерил до сих пор такого топора?

Он отступил на два шага от дерева, размахнулся и ударил с такой силой, что сам не удержался на ногах и растянулся во весь рост, уткнувшись носом в землю.

— Черт побери, я, кажется, хватил мимо!
— заворчал он. — В глазах у меня, что ли, помутилось?

Но не успел он выговорить эти слова, как дерево дрогнуло и повалилось прямо на него, так что он едва успел отскочить в сторону.

— Вот это удар! — закричал Зербино в восторге. — Раз — и готово! И как чисто срублено!.. Кто не видел, сказал бы, что спилено. Ну, есть ли на свете дровосек, который орудует топором так ловко, как сын моей матери?

Он обрубил все сучья и ветки на дереве и, распутав намотанную вокруг пояса верёвку, уселся верхом на вязанку, чтобы получше её затянуть.

— А теперь, — пробормотал он, — надо тащить её в город. Экое горе, что у вязанок не бывает ног, вот как у лошадей, например. А то бы я въехал на ней в Салерно, гарцуя вроде тех знаменитых господ,

которые от безделья только и знают, что прогуливаются верхом. Хотел бы я посмотреть на себя в таком виде!

И не успел он договорить, как вязанка приподнялась и пустилась рысью, все скорей и скорей — так что ветер засвистел у Зербино в ушах.

Но Зербино нелегко было удивить чем-нибудь. Он и на этот раз несколько не уди-

вился. Уверенно сидя на своём необыкновенном скакуне, он всю дорогу с жалостью поглядывал на тех бедняков, которые должны ходить пешком, потому что у них нет такой вязанки дров.

IV.

В те времена посреди Салерно была большая площадь, а на этой площади стоял королевский дворец. Царствовал тогда, как всем известно, знаменитый Мушамиель. Кто не знает этого имени, тот не знает истории.

Всякий день после полудня прохожие могли увидеть на одном из балконов дочь короля Мушамиеля — прекрасную принцессу Алели. Придворные кавалеры и дамы старались развлечь её песнями, сказками и плясками, но принцесса была всегда груст-

на и задумчива. Да и как было не задуматься!

Вот уже три года каждый день к ней сватались женихи — князья, бароны и принцы, и вот уже три года она отказывала каждый день всем своим женихам — принцам, князьям и баронам.

Дело было в том, что король Мушамиель, который очень хотел поскорее выдать дочку замуж, давал в приданое за нею прекрасный город Салерно, и принцесса Алели не без основания предполагала, что её женихи хотят жениться не столько на ней, сколько на её приданом. Как видите, принцесса Алели была рассудительной девицей, не в пример другим принцессам. Впрочем, она вообще не слишком походила на других принцесс: никогда не смеялась только для того, чтобы показать свои зубки, никогда не молчала только для того, чтобы её считали умной, никогда не болтала только для того, чтобы поболтать. Эта болезнь не на шутку тревожила придворных докторов.

В этот день принцесса Алели была ещё грустнее, чем всегда. Она сидела на балконе и задумчиво глядела вниз, как вдруг на площадь выехал Зербино.

Он скакал верхом на своей вязанке, точно лихой наездник на горячем скакуне.

Придворные дамы так и прыснули со смеху и принялись швырять в него апельсинами, лежавшими на блюде. Два апельсина угодили наезднику прямо в лицо.

— Смейтесь, смейтесь, зубоскалки! — крикнул Зербино, грозя им пальцем. — Смейтесь до тех пор, пока у вас рот не растянется до ушей!

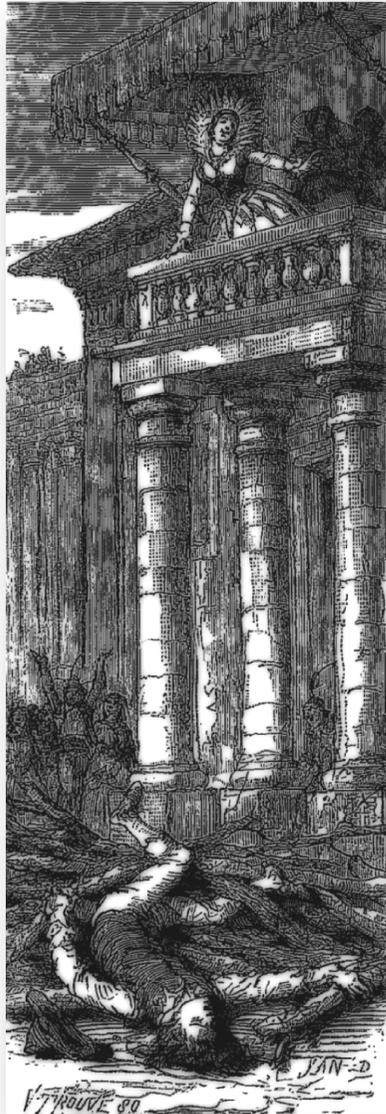
Придворные дамы расхохотались ещё громче. И сколько ни приказывала им принцесса замолчать и прекратить свои насмешки над бедным малым, они в ответ только покатывались со смеху.

— Добрая барышня, — сказал Зербино, поглядев на принцессу, — что же вы такая печальная? Желаю вам полюбить хорошего парня, который сумеет вас развеселить, и выйти за него замуж.

С этими словами Зербино приподнял шапку и поклонился так вежливо, как только умел.

Если ты едешь верхом не на лошади, а на вязанке дров, первое правило — ни с кем не раскланивайся, будь то хоть сама королева. Зербино совсем забыл про это и попал в беду. Снимая шапку, он выпустил из рук верёвку, которой были связаны ветки. Вязанка развалилась, и Зербино полетел вверх тормашками.

Встав на ноги, он собрал ветки и, взвалив их себе на плечи, отправился своей дорогой. Теперь уже вязанка ехала на нём, а не он на вязанке.

Когда кто-нибудь падает, рискуя сломать себе шею, люди почему-то смеются. Почему? Я не знаю. Мудрецы ещё не объяснили этой тайны. Известно только, что все смеются и что принцесса Алели поступила так же, как и все другие: она засмеялась.

Но вдруг щёки её побледнели. Она встала, прижала руку к сердцу, как-то странно поглядела на Зербино и молча удалилась в свои покои.

А Зербино, как ни в чем не бывало, вернулся к себе домой.

Своей удачи он не заметил, а на неудачи, как всегда, не обратил внимания. День выдался славный, он хорошо продал вязанку дров — с него и этого было достаточно.

Он купил себе целую головку сыра, белого и твёрдого, как мрамор, и, разрубив её на куски, отлично поужинал.

Камень, упавший в воду, знает ровно столько же о кругах, которые пошли по воде, сколько знал Зербино о том смятении, которое поднялось во дворце после его ухода.

V.

В то время как происходили все эти важные события, на городской башне пробило четыре часа. День выдался жаркий. На улицах было пусто.

Удалившись в залу парламента, король Мушаммель размышлял о благоденствии своего народа. Он спал.

Вдруг чьи-то руки обвилились вокруг его шеи и горячие слёзы закапали прямо ему на лысину. Король Мушаммель вскочил в

испуге. Перед ним стояла прекрасная Аелли.

— Что это значит? — сказал король, удивлённый таким преувеличенным выражением любви. — Поцелуи и слёзы? Ах, дочь своей матери! Ты, верно, хочешь, чтобы я исполнил какое-нибудь твоё желание?

— Нет, дорогой отец. Перед вами покорная дочь, которая только и думает о том, чтобы исполнить ваше желание. Вы хотели выдать меня замуж — я готова доставить вам это удовольствие.

— Ну, слава богу, наконец капризы кончены! За кого же мы выходим, а? За принца Кава?.. Нет? Ну, так за графа Капри?.. Тоже нет? За маркиза Сорренто?.. Как, опять нет? Кто же это такой?

— Я не знаю, дорогой отец.

— Не знаешь? Но ты, по крайней мере, хоть видела его?

— Да, только что. На площади перед дворцом.

— И он с тобою говорил?

— Нет, почти не говорил. Да и к чему слова, когда сердца и так слышат друг друга!

Мушаммель поморщился, почесал за ухом и пристально поглядел на дочь:

— Но, во всяком случае, это принц?

— Ах, я не знаю... Да и какое это имеет значение!

— Очень большое. Ты ничего не смыслишь в политике, дочь моя. Разумеется, ты можешь совершенно свободно, так сказать по своему вкусу, выбрать себе подходящего мужа, а мне — подходящего зятя. Как король и как отец, я совсем не хочу стеснять твою волю... если она совпадает с моей. В противном случае напоминаю тебе, что я прежде всего обязан заботиться о чести династии и о благе моих подданных, и поэтому я требую, чтобы поступали так, как угодно мне. Ну-с, что же за птица этот твой избранник, которого ты едва видела, с которым почти не разговаривала, но которого ты обожаешь?

— Не знаю, — сказала Алели.

— Вот это замечательно! — воскликнул Мушамиель. — И для того, чтобы болтать весь этот вздор, ты отнимаешь у меня время, принадлежащее моему народу. Эй, камергеры! Позвать сюда фрейлин! Пусть они проводят принцессу в её покои. Ей нездоровится.

Услышав слова отца, Алели залилась слезами и упала к его ногам. В это время дверь открылась и две придворные дамы вошли в королевские покои, покатываясь со смеху.

— Опомнитесь, сударыни! Перед вами король! — закричал Мушамиель, возмущённый таким грубым нарушением придворных правил.

Но чем громче кричал на них король, тем громче хохотали фрейлины, совершенно не заботясь о придворном этикете.

— Эй, стража, — закричал король вне себя от гнева, — схватить этих грубиянок и

отрубить им головы! Будут знать, как смеяться над своим королём!

— Ваше Величество! — воскликнула Алели, всплеснув руками. — Помните, что вы прославили своё царствование, запретив смертную казнь без суда.

— Ах, да, — сказал Мушамиель, — ты совершенно права, дочь моя. Нельзя нарушать законы. Но если нельзя казнить без суда, то пусть их секут без суда до тех пор, пока они не умрут естественной смертью,

— Пощадите их, отец! Умоляю вас!

— Ну хорошо, хорошо! — сказал добрый Мушамиель. — Пусть только они перестанут смеяться и не попадают мне больше на глаза. Уведите этих дур — я их прощаю. Запереть их в келью. Пусть они там издохнут от тишины и скуки... И довольно об этом.

— Отец!.. — зарыдала Алели.

— Ваше Величество! — закричали в один голос фрейлины, падая на колени. — Ваше Величество, смилуйтесь! Мы не смеёмся больше.

И в самом деле они больше не смеялись, потому что рты у них от непрерывного смеха уже растянулись до самых ушей, как пожелал Зербино.

— Помилуйте, ваше Величество! Это не мы смеялись над вами — это над нами насмеялся злой человек. Он околдовал нас.

— Колдун в моём государстве? — сказал король, покачав головой. — Это невозможно. Их нет, потому что я в них не верю.

— Однако, ваше Величество, — заметила одна из дам, — что бы вы сказали, если бы увидели человека, который гарцует верхом на обыкновенной вязанке дров, и эта вязанка скачет рысью и выделяет курбеты, как хорошо объезженная лошадь?

— В самом деле? — удивился король. — Да, это похоже на колдовство. Стража! Я приказываю немедленно отыскать этого человека и его вязанку, посадить человека на вязанку и сжечь вязанку вместе с человеком посреди дворцовой площади. Всё!.. Ну, теперь, надеюсь, мне дадут отдохнуть.

— Сжечь моего возлюбленного! — закричала принцесса. — Государь, этот благородный юноша — мой избранник, моя любовь, моя жизнь. Если тронут хоть один волосок на его голове — я умру!

— У меня в доме сущий ад! — сказал бедный Мушаммель. — Какой смысл быть королём, если в собственном вашем дворце вам не дают спокойно вздремнуть часок? Впрочем, я ведь могу избавиться от всех этих хлопот. Позвать сюда Мистигриса! Для чего я держу министра, если не для того, чтобы он говорил мне, о чём я думаю, и знал, чего я хочу и чего не хочу!

VI.

Вскоре доложили о приходе господина Мистигриса. Это был маленький человечек, толстый, коротенький, круглый, пузатый. Он не ходил, а катался, как шар. Рысьи глазки, посматривающие разом во все стороны, низкий лоб, утиный нос, толстые

щёки и тройной подбородок — вот вам портрет знаменитого министра, который правил Салерно от имени короля Мушамиеля.

Он вошёл, кланяясь и охорашиваясь, отдуваясь и улыбаясь, с видом человека, весело несущего бремя власти и забот.

— Наконец-то!.. — сказал король. — У меня в королевстве происходит чёрт знает что, и я, король, узнаю об этом последний!

— Всё в полном порядке, — спокойно отвечал Мистигрис. — У меня в руках донесения королевской полиции. Мир и счастье, как всегда, царят в нашем государстве.

И, развернув длинный свиток, он прочёл:

— «Салернская гавань. Всё спокойно. В таможне украдено не больше обычного. Три ссоры между матросами. Шесть ударов

ножом. Пятеро отправлены в госпиталь. Один скончался. Происшествий нет. Верхний город. Налог удвоен. Благосостояние и нравственность возрастают. Две женщины умерли голодной смертью. Трое мужей избили своих жён. Десять жён избили своих мужей. Тридцать краж. Два убийства. Три отравления. Происшествий нет».

— И это всё, что вы знаете? — рассердился Мушаммель. — Стало быть я, который вовсе и не обязан знать, что происходит в государстве, осведомлён гораздо лучше вашего. Мне, например, известно, что, не далее как сегодня, какой-то бездельник проехал по дворцовой площади верхом на вязанке дров и одним взглядом так очаровал мою дочь, что она хочет выйти за него замуж.

— Ваше Величество, — ответил Мистигрис, не моргнув глазом, — разумеется, я знаю об этом — министр знает всё! — но я не смел беспокоить ваше величество таки-

ми пустяками. Этого человека повесят — и дело с концом!

— Ах, так вы знаете, где он, этот негодяй?

— Конечно, ваше величество, — ответил Мистигрис. — Министр всё видит и всё слышит.

— Прекрасно, — сказал король. — Но если через четверть часа этот плут не будет здесь, вы сдадите дела министерства людям, которые не только всё видят и слышат, но и действуют. Ступайте!

Мистигрис, приятно улыбаясь, вышел из покоев короля. Но чуть только дверь за ним закрылась, он весь побагровел, словно от удушья, и, чтобы не упасть, вынужден был опереться на первую дружескую руку, которая ему подвернулась. Это была рука городского префекта, который по случайной оказии оказался в королевской приёмной.

Мистигрис прошёл два шага, потом схватил префекта за ворот и сказал, отчеканивая каждое слово:

— Сеньор, если через десять минут вы не приведёте ко мне человека, разъезжающего по Салерно верхом на вязанке дров, я вас уничтожу. Слышите? У-ни-что-жу! Ступайте!

Ошеломлённый этой угрозой префект побежал к начальнику полиции:

— Где человек, разъезжающий верхом на вязанке дров?

— На вязанке дров? — удивился тот.

— Попрошу не рассуждать! — закричал префект. — Я этого не потерплю. Вы не знаете своих обязанностей. Если через пять минут этот мошенник не будет здесь, я вас выгоню. Слышите! Вы-го-ню! Ступайте!

Начальник полиции побежал к дежурным полицейским, которые охраняли общественное спокойствие, играя в кости.

— Бездельники! — закричал он. — Если через три минуты вы не приведёте ко мне человека, который разъезжает по Салерно верхом на вязанке дров, я прикажу избить вас до полусмерти. Слышите? До полусмерти! Бегом — и ни слова!

Полицейские, ругаясь на чём свет стоит, выбежали на улицу. А Мистигрис, вполне уверенный в чудодейственной силе своего приказа, сложил губы в приятную улыбку и опять отправился к королю, слегка прихрашиваясь и бодро отдуваясь, как человек, легко и весело несущий бремя государственных забот.

Министр шепнул на ухо два слова своему повелителю, и лицо доброго короля просияло. И так, всё устраивается как нельзя лучше! Колдуна сожгут, и это маленькое происшествие, без сомнения, прославит царствование кроткого Мушамиеля Девятого и навсегда останется для благородного потомства доказательством его милосердия и мудрости.

Одно только смущало короля — это неутешные слёзы бедной Алели.

Но государственный ум Мистигриса помог и в этом затруднении. Министр подмигнул королю и, подойдя к принцессе, сказал ей, стараясь смягчить свой пронзительный голос:

— Не плачьте, ваше высочество! Жених не должен видеть вас в слезах. Подите к себе, наденьте свой самый пышный наряд, чтобы показаться ему во всём блеске вашей красоты. Тогда, взглянув на вас, он сразу поймёт, какое счастье его ожидает.

— Верно ли я вас поняла, мой добрый Мистигрис? — воскликнула Алели. — О, благодарю вас, отец, благодарю!

Она бросилась обнимать короля, который до того растерялся, что не мог вымолвить ни единого слова.

Не чуя под собой ног от радости, принцесса выбежала из королевских покоев и первому встречному офицеру сама объявила о своей свадьбе.

— Добрый юноша, — сказала она, — мой жених сейчас придёт сюда! Устройте ему торжественную встречу и будьте уверены, что мы сумеем оценить вашу услугу.

Оставшись наедине с Мистигрисом, король гневно посмотрел на своего министра.

— Вы что — с ума сошли? — сказал он. — Как вы осмелились давать за меня слово в моём присутствии? Кажется, вы считаете себя хозяином не только в моём королевстве, но и у меня в доме!.. Кто вам позволил распоряжаться по-своему мною и моей дочерью?

— Ваше Величество, — невозмутимо ответил Мистигрис, — прежде всего надо было успокоить принцессу, а дальше видно будет. Политика никогда не заботится о завтрашнем дне. У всякого дня — своя забота.

— А моё слово?

— Вы не сказали ни слова, ваше Величество.

— Но это всё равно, что дать слово. И, если я теперь возьму его назад, меня будут считать лжецом.

— Государь, — сказал Мистигрис, — само собой разумеется, король никогда не берёт своего слова назад. Но есть множество способов сдержать слово, не сдержав его.

— Что вы хотите этим сказать?

— Ваше Величество, — сказал Мистигрис, — давайте спокойно обсудим положение. С одной стороны, вы ничего не обещали

принцессе; с другой стороны, своим молчанием вы как бы одобрили её брак. Что ж, пусть принцесса выйдет замуж за своего избранника. А после церемонии мы поступим по закону, который гласит:

«Если дворянин, не имеющий звания барона, желает взять в жёны принцессу королевской крови, с ним надлежит поступить как с дворянином, то есть отрубить ему голову».

«Если дерзкий окажется горожанином — с ним надлежит поступить как с горожанином, то есть повесить его».

«Если же это будет простой мужик — его следует утопить, как собаку».

— Видите, ваше Величество, как легко сочетать родительскую любовь и правосудие! У нас в Салерно столько всяких законов, что всегда можно подобрать подходящий к случаю.

— А ведь вы, Мистигрис, изрядная каналья, — сказал Мушаммель, посмеиваясь.

— Государь, вы мне льстите! — ответил Мистигрис, раздуваясь от гордости. — Я всего-навсего ваш преданный слуга и готов положить жизнь.

— Ну хорошо, хорошо!.. — прервал его король. — Довольно слов, перейдём к делу. Найти, повенчать, утопить — вот всё, что я от вас хочу.

VIII.

Конечно, слава — хорошая вещь, но и она имеет свои неудобства. Прощай, спокойная жизнь! Всякий бездельник считает своим священным и неотъемлемым правом знать лучше вашего, о чём вы думаете, что любите и чего хотите.

Зербино ещё не успел продать свою волшебную вязанку, а уже в Салерно не было ни одного мальчишки, который бы не знал, где он живёт, что ест на ужин, сколько ему лет и как звали его бабушку. Поэтому полицейским ничего не стоило исполнить приказ начальства и разыскать знаменитого дровосека.

Они ворвались к нему во двор как раз в ту минуту, когда Зербино, стоя на коленях, точил свой старый топор, то и дело пробуя лезвие на ногте большого пальца. Вдруг чья-то рука схватила его за шиворот и одним рывком поставила на ноги. Десять затрещин, двадцать подзатыльников — и он очутился на улице.

Таким образом Зербино узнал, что министр интересуется его особой и сам король желает его видеть.

Мудрость и глупость ничему не удивляются. Неизвестно, по какой из этих причин, но Зербино никогда не удивлялся. Не уди-

вился он и на этот раз. Заложив руки за пояс, он спокойно шагал, не обращая внимания на пинки, которые так и сыпались на него градом со всех сторон.

Но всякому терпению приходит конец.

— А нельзя ли потише? — сказал Зербино, когда тяжёлый удар в спину чуть не сбил его с ног.

— Скажите какие нежности! — усмехнулся полицейский. — Не прикажете ли надеть перчатки и вести вас под ручку?

— Хотел бы я, чтобы кто-нибудь из вас оказался на моём месте! — сказал Зербино. — А я бы посмотрел, как вы тогда стали бы смеяться.

— Молчать, мошенник! — и полицейский с размаху отвесил Зербино такой удар, которым можно было бы свалить даже быка.

Но, должно быть, он плохо рассчитал или неловко замахнулся: кулак его почему-то

миновал затылок Зербино и угодил прямо в глаз одному из конвойных. Тот расшвырнулся от боли и, не говоря ни слова, вцепился в волосы обидчику. Остальные кинулись их разнимать.

Удары посыпались, как горох из дырявого мешка: сверху, снизу, справа, слева. Началась такая потасовка, что небу стало жарко. Женщины рыдали, дети кричали, собаки лаяли. Пришлось вызвать другой отряд полицейских, чтобы навести порядок и арестовать тех, кто бил, тех, кого били, и тех, кто на это глядел.

А Зербино как ни в чём не бывало засунул руки в карманы и отправился во дворец один.

На дворцовой площади он увидел длинную вереницу нарядных господ, разодетых в шитые золотом камзолы и короткие атласные панталоны. Это были придворные лакеи во главе со старшим лакеем и ма-

жордомом. По распоряжению принцессы они вышли встречать жениха.

Так как им было приказано встретить его с подобающими почестями, они всё время улыбались и низко кланялись, держа шляпы в руках.

Как человек вежливый, Зербино ответил на поклоны поклоном. Придворные лакеи согнулись чуть не вдвое. Зербино ответил ещё вежливее.

Лакеи поклонились ещё ниже.

Так кланялись они друг дружке восемь или десять раз подряд. Зербино устал первый. Он не был воспитан при дворе и не привык гнуть спину.

— Довольно, довольно! — закричал он. — Знаете, как это у нас в песне поётся:

Дама кавалеру

улыбнись, улыбнись!

Кавалер красотке
поклонись, поклонись!
После трёх улыбок
поцелуй, поцелуй!
После трёх поклонов
потанцуй, потанцуй!

С меня хватит улыбок и поклонов. По-
пляшите-ка теперь!

И лакеи, не переставая кланяться, за-
прыгали, словно кузнечики на лугу.

Так, приплясывая и кланясь, они прово-
дили Зербино во дворец.

IX.

Король Мушамииель сидел на троне.
Справа от него расположились дамы —
принцесса и её фрейлины, слева — Мис-
тигрис и придворные кавалеры.

Чтобы придать себе величественный вид,
король Мушамииель смотрел на кончик соб-
ственного носа.

Принцесса Алели вздыхала. Мистигрис
чинил перья и с видом заговорщика подми-
гивал одним глазом королю, а другим —
принцессе. Придворные стояли неподвиж-

но и глядели задумчиво, как будто и в самом деле о чём-то думали.

Вдруг дверь отворилась. Танцую сарабанду и раскланиваясь в такт, появились мажордом и лакеи во главе со старшим лакеем.

Эта непривычная и несвоевременная пляска чрезвычайно удивила весь двор. Но все ещё больше удивились, когда вслед за танцующими в залу преспокойно вошёл Зербино, в своей старой куртке и помятой шапке. Он один ничем не был удивлён и поглядывал по сторонам так равнодушно, как будто родился во дворце и весь век ходил по бархатным коврам и сидел в золочёных креслах.

Однако, увидев короля, он сразу догадался, что это и есть хозяин дома, и остановился посреди залы.

Сняв шапку и прижимая её обеими руками к груди, он вежливо поклонился. Потом снова надел шапку на голову, удобно усел-

ся в кресло и для развлечения стал легонько шевелить носком башмака.

Это так понравилось принцессе, что она вне себя от восторга бросилась на шею королю.

— Ах, отец, — закричала она, — надеюсь, вы теперь сами видите, как хорош тот, кого я избрала!

— Вижу, вижу, — пробормотал полудушенный её объятиями Мушаммель. — Мистигрис, допросите-ка этого человека. Только поосторожнее. Да, нечего сказать, происшествие! Ах, как счастливы были бы отцы, если бы у них не было детей!

— Не беспокойтесь, ваше Величество, — ответил Мистигрис. — Моё правило — справедливость и великодушие. — И, обернувшись к Зербино, крикнул — Встань, мошенник! И, если тебе дорога твоя шкура, отвечай прямо: кто ты такой?.. Молчишь, негодяй? Значит, ты колдун!

Зербино ничего не ответил и только пожал плечами.

— Теперь мне всё ясно! — сказал Мистигрис. — Твоё заpiresательство подтверждает твою вину. Не желая ни в чём признаться, ты выдаёшь себя своим молчанием.

Зербино усмехнулся.

— Ну, конечно! — сказал он. — А вот если бы я признался во всех смертных грехах, то это значило бы, что я невинен, как новорождённый ягнёнок.

— Государь! — закричал Мистигрис. Во гневе он бывал ещё красноречивее, чем всегда. — Государь, свершите правосудие! Спасите ваше королевство, спасите мир от этого чудовища! Нет казни, которой бы не заслужил такой закоренелый преступник!

— Эк его разобрало! — сказал Зербино, покачивая головой. — Ну, словно с цепи

сорвался!.. Ладно уж, лай себе сколько твоей душе угодно, только не кусайся.

Мистигрис словно поперхнулся. Глаза у него налились кровью, зубы оскалились.

— Гав, гав!.. — залаял он. — Ваше Величество!.. Гав, гав, гав, гав!.. Всем известно ваше милосердие и справедливость... Гав, гав, гав!.. Милосердие повелевает вам позаботиться о ваших подданных и избавить их от этого колдуна... Гав, гав, гав!.. Справедливость требует, чтобы его повесили или сожгли... Гав, гав, гав!.. Вы отец... гав, гав!.. но вы и король... гав, гав! А король... гав, гав, гав!.. должен победить отца... гав, гав, гав!..

— Мистигрис, — сказал король, — спокойнее, спокойнее! Вы говорите горячо, но как-то сбивчиво. К чему столько лишних слов и восклицаний! Что вы предлагаете?

— Государь! — ответил министр, — верёвка, огонь, вода — вот что я предлагаю!

Гав, гав, гав!.. — И он залаял хриплым лаем.

Король вздохнул и пожал плечами. А принцесса Алели решительно встала со своего места и, перейдя через залу, села рядом с Зербино.

— Решайте, государь! — сказала она. — Это мой муж. Его судьба будет и моей судьбой.

Все дамы ахнули и в смущении закрылись веерами. Даже Мистигрис счёл нужным покраснеть.

А король схватился за голову и воскликнул:

— Несчастливая, ты сама произнесла свой приговор! Эй, стража! Взять этих людей, немедленно обвенчать их в придворной часовне, а потом посадить на первый попавшийся корабль, — и пусть плывут, куда гонит ветер. А с меня довольно!..

Стража сейчас же окружила Зербино и принцессу и увела их из залы. А Мистигрис подошёл к королю.

— О мой повелитель! — воскликнул он. — Вы величайший король в мире! Ваша доброта, снисходительность и милосердие будут служить примером и вызывать удивление потомков. Ах, как расскажет об этом завтра «Официальная газета»! Нам же, потрясённым царственным великодушием, остаётся только молчать и восхищаться.

Но король не слушал его.

— Моя бедная девочка, — сказал он, вытирая слёзы, — что станет с нею?.. Эй, стража! Взять господина Мистигриса и посадить на тот же корабль. Для меня будет утешением думать, что этот пройдоха — возле моей дорогой Алели. К тому же смена министра — это всё-таки некоторое развлечение, а мне в моём родительском горе так нужно хоть немного развлечься и рассеяться... Прощайте, старина Мистигрис!

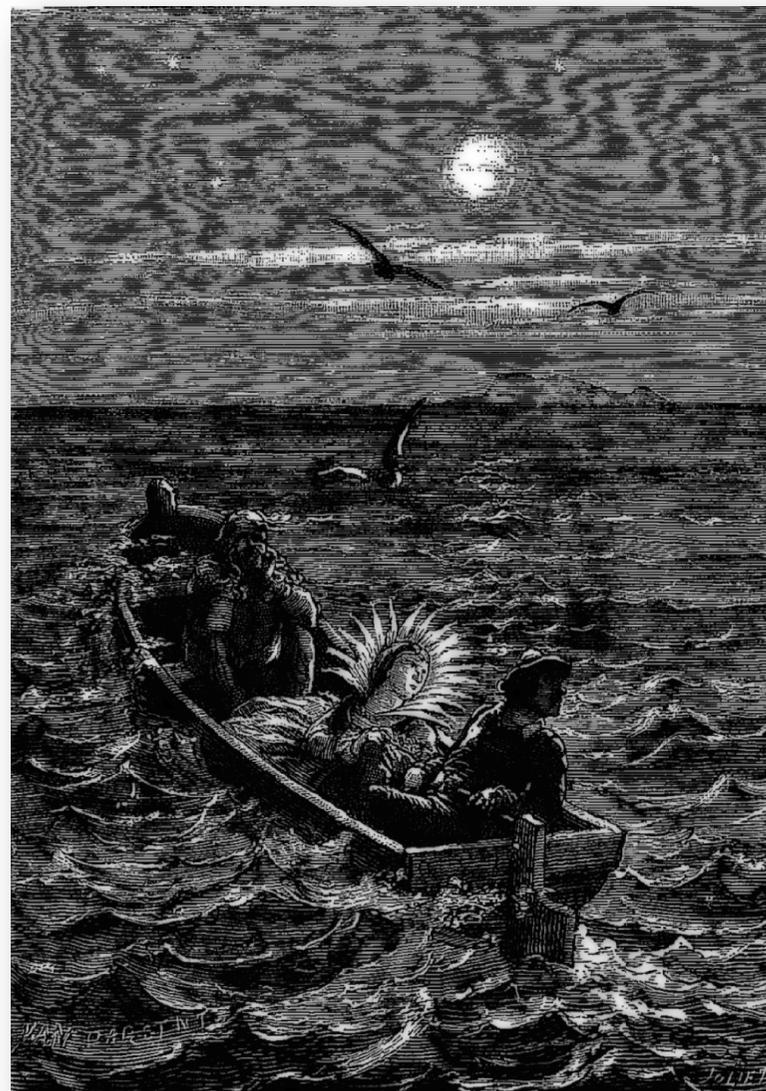
Министр открыл было рот, чтобы проклять королей и их неблагодарность, но в эту минуту его подхватили под руки, вывели из дворца и силой втолкнули на корабль.

Корабль отчалил.

А добрый король Мушамииель отёр слезу, скатившуюся по носу, и заперся в парламенте на ключ, чтобы никто больше не мог помешать его послеобеденному отдыху.

Х.

Ночь была тихая, лунная. Береговой ветер нёс корабль вперёд, и вот уже вдали показался остров Капри, поднимавшийся из волн, точно корзина цветов.

Зербино правил рулём и напевал какую-то песенку — матросскую, может быть, или песню дровосеков. У его ног сидела принцесса Алели, не сводя глаз со своего возлюбленного. Прошрое она позабыла, о будущем не думала. Ей было всё равно, куда плыть, только бы плыть с Зербино.

Что касается Мистигриса, то ему путешествие вовсе не доставляло такого удовольствия, как принцессе Алели. Он метался по палубе, точно медведь в клетке, и кричал:

— Что станется с нами на этой жалкой посудине? Мы пропадём! Мы непременно пропадём! Ах, если бы этот колдун и в самом деле был колдуном!.. Он мог бы, по крайней мере, сделаться владетельным князем или даже королём, а меня назначить своим первым министром. Я просто чувствую потребность чем-нибудь управлять. Ну, долго ли мы ещё будем болтаться между небом и землёй? Говорите же! И о чём только вы думаете?..

— Я проголодался, — сказал Зербино.

Алели поднялась с места.

— Друг мой, — сказала она, — я пойду поищу чего-нибудь. Скажите мне, чего бы вы хотели.

— Апельсинов и винограда, — ответил Зербино.

И в ту же минуту, опрокинув Мистигриса, прямо у него из-под ног появилась огромная корзина с апельсинами и виноградом.

«Ага, — подумал Мистигрис, поднимаясь на ноги, — теперь-то я узнал твою тайну, бездельник! Оказывается, ты и в самом деле колдун. Ну что ж. Раз всякое твоё желание сбывается, так и мои желания сбудутся.

Недаром же я был министром у самого короля Мушамиеля. Я и тебя заставлю желать того, чего захочу я».

Согнувшись в три погибели и сладко улыбаясь, Мистигрис подошёл к Зербино.

— Синьор Зербино, — сказал он, — я прошу высокой чести быть другом вашей светлости. Может быть, ваша светлость не совсем верно поняли то, что я прятал под вынужденной суровостью моих слов. Но, клянусь честью, всё, что я говорил и делал, было сказано и сделано только для того, чтобы ускорить ваш счастливый брак. Смею надеяться, что вы и впредь позволите мне служить вам, чтобы я мог доказать свою глубочайшую преданность вашей светлости. Я ваш раб, приказывайте мне!

— Пододвиньте-ка поближе апельсины и виноград, — сказал Зербино. — Я чертовски проголодался!

— Вот они, синьор! — Мистигрис пододвинул корзину с ловкостью придворного лакея, а сам подумал: «Мужик! Невежа! Он меня просто не слушает. Нет, надо сначала склонить на свою сторону Алели. Это, по-

жалуй, будет попроще — как-никак, она выросла при дворе».

И, растянув губы в улыбке, он снова заговорил:

— Кстати, синьор Зербино, не думаете ли вы, что вам следует сделать своей молодой жене свадебный подарок?

Зербино удивился.

— Свадебный подарок? — переспросил он. — Да откуда же я его возьму? Со дна моря, что ли, выудить?

— А хоть бы и со дна моря. Вам стоит только захотеть...

Зербино пожал плечами.

— Вот чудак! — сказал он. — Ну и отправляйся за этим подарком на морское дно, если уж тебе тут не сидится. А меня оставь в покое.

В ту же минуту Мистигрис, словно подхваченный чьей-то невидимой рукой, перелетел через борт и камнем врезался в воду.

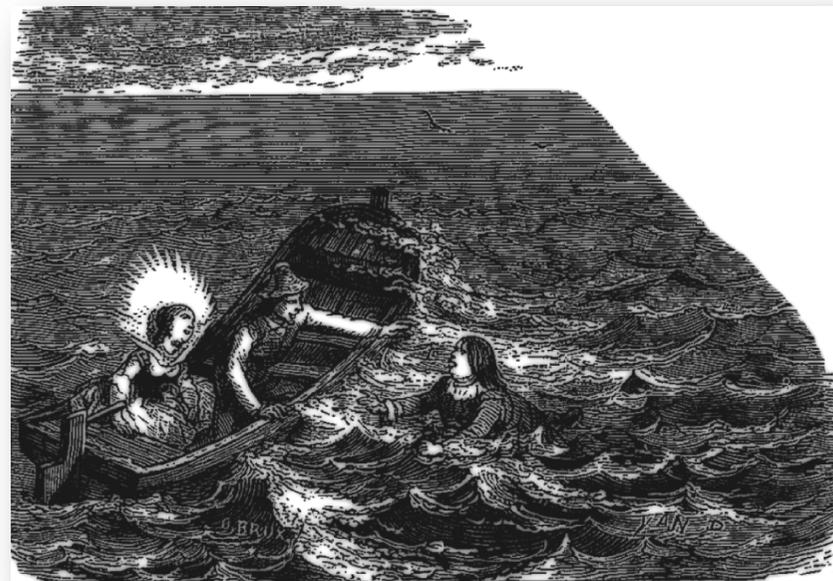
А Зербино вытащил из корзины новую кисть винограда и стал преспокойно её ощипывать. Алели смотрела ему в глаза.

Вдруг вода за бортом забурлила и чья-то круглая, покрытая тиной голова мелькнула среди пены.

— Это, наверно, морская свинья, — сказала Алели.

— Нет, сухопутная, — ответил Зербино и, перегнувшись через борт, вытащил мокрого и фыркающего, как дельфин, Мистигриса.

И тут принцесса и Зербино увидели странную вещь: в зубах у толстяка сверкал, как звезда ночью, огромный великолепный алмаз.

Отплёвываясь и кланяясь, Мистигрис сказал:

— Вот подарок, который король рыб преподносит прекрасной Алели... Теперь вы видите, синьор Зербино, что перед вами самый верный, самый покорный раб? Если когда-нибудь вы захотите сформировать маленькое правительство, доверьте мне...

— Дайте-ка ещё апельсинов и винограда!
— перебил его Зербино.

Мистигрис пододвинул к нему корзину.

— Синьор, — сказал он вкрадчиво, — не кажется ли вам, что эта жалкая барка, плывущая по воле ветра и волн, недостойна нести на себе принцессу Алели, самую благородную и прекрасную из всех принцесс!

— Перестаньте, Мистигрис! — сказала Алели. — Мне хорошо и здесь. Я ни о чём не прошу и ни о чём не жалею.

— Однако, госпожа моя, — сказал Мистигрис, — припомните, когда граф Капри предлагал вам свою руку, он послал в Салерно великолепный корабль красного дерева, весь украшенный золотом и слоновой костью. А матросы, одетые в бархат?.. А шёлковые снасти?.. А три зеркальные каюты?.. Вот что приготовил для вас какой-то ничтожный граф. Я уверен, что синьор

Зербино не захочет отстать от него — ведь он так могуществен, так добр, так...

— Этот старичок может оглушить своей болтовней, — вздохнул Зербино. — Говорит, говорит... Право, я не прочь иметь такой корабль, хотя бы только для того, чтобы заткнуть глотку болтуну. Надеюсь, это бы его успокоило хоть на часок.

Не успел он произнести эти слова, как принцесса Алели вскрикнула: «Посмотрите!» — и схватила его за руку. Дровосек вздрогнул и оглянулся... Что это? Как очутился он на этом великолепном корабле с белоснежными парусами, похожими на лебединые крылья, с шёлковым шатром над палубой и алебастровыми лампами, освещающими каждый уголок?.. Проворные матросы ловко и бесшумно делали своё дело.

Мистигрис оживился. Вот наконец занятие для человека, привыкшего управлять!

Он кинулся распоряжаться, подгонять, приказывать...

Но матросы не обращали на него ни малейшего внимания, будто его совсем не было на палубе. Даже самый маленький юнга и тот не нашёл нужным выслушать его и что-нибудь ответить.

Однако Мистигрис не унывал. Он опять вернулся к Зербино и, самодовольно улыбаясь, сказал:

— Надеюсь, ваша светлость довольны моим усердием и стараниями? Поверьте, всё, чего я хочу, — это заслужить вашу благосклонность!

— Замолчи, болтун! — сказал дровосек.
— Я хочу спать. Запрещаю тебе говорить до завтрашнего утра.

Мистигрис хотел пожелать ему спокойной ночи и сказать на прощанье что-нибудь любезное, но, к своему великому изумлению, не мог выговорить ни слова. Не зная,

как скоротать время до завтрашнего утра, он отправился в одну из зеркальных кают и улегся спать.

XI

«Всё надоедает, даже счастье», — говорит пословица.

Можете себе представить, как надоело Мистигрису плыть неизвестно куда и неизвестно зачем да ещё всё время молчать! Он только и думал о том, как бы заставить Зербино высадиться на сушу.

Однако действовать надо было осторожно. А то, чего доброго, этот мужик вспомнит, кто он такой, и опять возьмётся за топор. Попробуй-ка тогда стать министром у дровосека!

Едва только Мистигрис снова обрёл дар речи, он пошёл разыскивать Зербино.

Дровосек и принцесса сидели на корме и о чём-то беседовали. Мистигрис остановился, прислушался, и волосы стали у него дыбом.

— Мой друг, — говорила Алели, — подумайте, как были бы мы счастливы, если бы поселились где-нибудь тут, на берегу, вдали от всех, в маленькой лесной хижине...

— Да... — задумчиво сказал Зербино. — Завести корову, кур... Это было бы неплохо.

Мистигрис почувствовал, что почва уходит у него из-под ног, и он решительно выступил вперёд.

— Ах, синьор!.. — закричал он. — Посмотрите же! Посмотрите скорее!.. Как это прекрасно!

— Что такое? — спросила принцесса. — Где? Я ничего не вижу.

— А я и того меньше, — сказал Зербино, хлопая глазами.

— Как? Вы не видите этого сверкающего на солнце мраморного дворца? — удивился Мистигрис. — Не видите эту широкую лестницу, спускающуюся к самому морю среди апельсиновых деревьев и роз?

— Дворец? — испугалась Алели. — Я не хочу во дворец! Опять скучные придворные дамы, назойливые лакеи, опять притворство, сплетни, лесть!.. Нет, нет, я не хочу! Уедем отсюда поскорее!

— Это верно, — согласился Зербино. — Чего мы не видели во дворце!

— Такого дворца, синьор, вы не видели никогда! — закричал Мистигрис не своим голосом. — Он не похож ни на один дворец на свете. В нём нет ни придворных, ни ла-

кеев. Там прислуживают невидимки. Там у столов и кресел есть руки, а у стен — уши!

— А языки у них есть? — спросил Зербино.

— Нет... то есть да, — сказал Мистигрис. — Они говорят, когда их спрашивают, и молчат, когда их не спрашивают.

— Значит, они умнее тебя, — сказал дровосек. — Что ж, пожалуй, я бы хотел иметь такой дворец. Только где же он? Я его не вижу.

— Он перед вами, ваша светлость! — сказал с торжеством Мистигрис.

И в самом деле, корабль уже подошёл к берегу, на котором высился сияющий золотом и мрамором дворец, самый светлый и весёлый, какой только можно было себе представить.

Зербино, принцесса Алели и Мистигрис сошли с корабля и стали подниматься по

широкой белой лестнице, среди магнолий и роз.

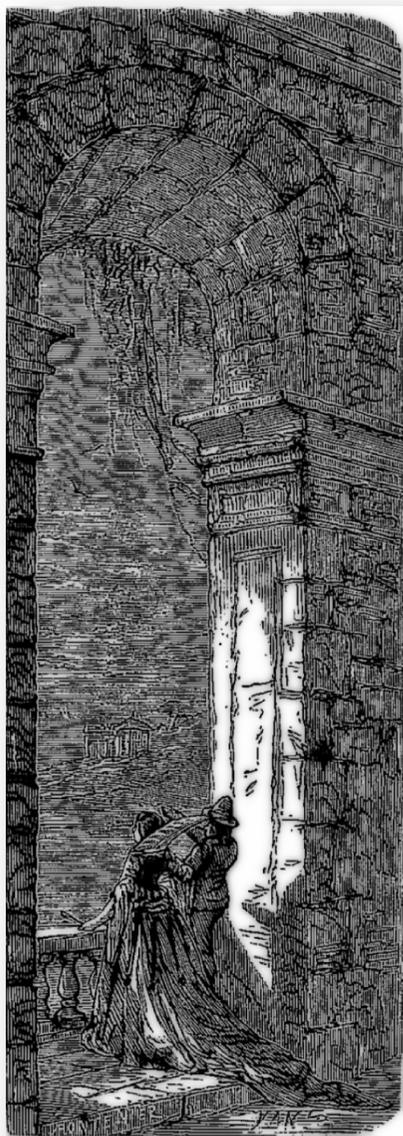
Мистигрис шёл впереди, отдуваясь на каждой ступеньке.

Подойдя к решётчатым дворцовым воротам, он хотел позвонить, но звонка нигде не оказалось.

— Эй, кто там!.. — закричал Мистигрис и стал стучать и трясти решётку изо всех сил.

— Что тебе надо, чужеземец? — металлическим голосом спросила решётка.

— Я хотел бы видеть владельца этого дворца, сказал Мистигрис с некоторой робостью. Дело в том, что ему еще никогда не приходилось разговаривать с кованым железом.

— Этот дворец принадлежит синьору Зербино, — ответили ворота. — Когда он подойдёт, мы откроемся. Не стучите понапрасну и не трясите нас.

В эту минуту к воротам подошёл Зербино под руку с прекрасной Алели.

Ворота почтительно распахнулись и пропустили их обоих, а заодно и Мистигриса, который семенил сзади.

Они вышли на террасу и невольно остановились, глядя на бесконечное небо, сверкающее в лучах утреннего солнца.

— Как хорошо! — сказала Алели. — Не хочется уходить отсюда.

— Да, славно, — ответил Зербино, опускаясь на каменные плиты. — Давайте-ка посидим здесь немного.

Но Мистигрис был вовсе не охотник сидеть на каменном полу.

— Разве тут нет кресел? — спросил он.

— Мы здесь, мы здесь! — закричали дружно чьи-то бархатные голоса, и три мягких кресла вбежали на террасу со всех четырёх ног — так быстро, как только позволяли их коротенькие выгнутые ножки.

Мистигрис плотно уселся в одно из кресел.

— А не хотите ли вы теперь позавтракать, синьор Зербино? — спросил он.

— Хочу, — сказал Зербино. — Только где же у них тут стол? Вы не видите?

— Здесь, здесь! — ответил густой, низкий голос, и великолепный стол красного дерева степенно и неторопливо подошёл и стал перед ними.

— Это восхитительно! — сказала принцесса. — Но где же кушанья?

— Мы здесь, мы здесь, мы здесь! — закричали наперебой голоса — звонкие, как серебро, и чистые, как хрусталь.

И целый полк блюд, тарелок и тарелочек, ножей, вилок, графинов, стаканов, солонок и соусников в один миг выстроился на столе.

Такого завтрака не подавали даже во дворце у короля Мушамиеля.

— Ну, ваша светлость, — сказал Мистигрис, — довольны ли вы теперь вашим покорным слугой? Не могу скрывать от вас, что всё это — дело моих рук.

— Ты лжёшь! — прогремел у него над головой чей-то голос.

Мистигрис обернулся, но нигде никого не было. Это заговорила колонна, поддерживающая свод галереи.

— Надо быть каменным, как столб, чтобы не оценить чистоты моих намерений, —

сказал Мистигрис, с упрёком глядя на колонну. — Никто не может заподозрить меня в неискренности. Я всегда говорил и говорю правду...

— Ты лжёшь! — загремело со всех сторон.

«Что за гнусное место! — подумал Мистигрис. — Если даже стены говорят тут правду, то в этих стенах никогда нельзя будет устроить королевский дворец. И, стало быть, я никогда не буду тут министром двора. Нет, всё это надо переделать!»

— Синьор Зербино, — начал он опять, — вместо того, чтобы жить в полном одиночестве и беседовать только со стульями, лестницами и воротами, не лучше ли вам милостиво править каким-нибудь добрым народом, который платил бы вам небольшие подати, содержал маленькую армию и окружал вас любовью и преданностью?

— Одним словом, сделаться королём? — спросил Зербино. — Это чего же ради?

— Мой друг, не слушайте его! — сказала Алели. — Останемся здесь вдвоём. Нам будет так хорошо!

— Втроём, — поправил Мистигрис. — Для меня такое счастье быть подле вас! Больше я ничего не желаю!

— Ты лжёшь! — опять загудело наверху.

— Да что же это?.. Синьор, никто не смеет сомневаться в моей преданности!

— Лжёшь! Лжёшь!.. — загудело во всех углах.

— Синьор Зербино, не слушайте их! — закричал Мистигрис в тревоге. — Я вас уважаю. Я вас обожаю! Клянусь вам...

— Лжёшь! — закричали на все голоса стены, колонны и ступеньки.

— Лжёшь! — зазвенели тарелки и стаканы.

— Лжёшь! — заскрипели стол и кресла и даже затопали ногами.

— Ну, если ты всё время лжёшь, — сказал Зербино, — так убирайся на луну. Недаром же люди врут, что там страна врунов.

Едва он произнёс эти неосторожные слова, как Мистигрис взлетел на воздух, поплыл, словно мыльный пузырь, и пропал за облаками.

Вернулся ли он когда-нибудь на землю? Неизвестно. Некоторые историки утверждают, что он опять появился при каком-то королевском дворе и даже занимает пост министра, но под другим именем. Достоверно только одно: он никогда не показывается там, где говорят правду.

XII

Зербино и принцесса Алели остались одни. Взявшись за руки, они пошли осматривать свои владения.

Всё кругом было прекрасно. Справа и слева дворец окружала роща с говорливыми ручейками. Зелёные дубы, тёмно-красные буки, лиственницы в тонких, нежных иглах и широколиственные платаны бросали на землю узорную тень.

Цветущие апельсиновые деревья осыпали траву легкими лепестками.

В листве переговаривались, звеня, какие-то весёлые птички.

Зербино смотрел по сторонам. Алели смотрела на Зербино.

— Друг мой, вы довольны? — спросила она.

— А чего мне ещё хотеть? — ответил Зербино. — Вот завтра возьмусь за работу. Тут славные деревья, можно будет нарубить больше сотни вязанок.

— Ах, — вздохнула Алели, — вы меня не любите!

— То есть как это — не люблю? — удивился Зербино. — Я вам не желаю никакого зла. Даже наоборот. Вот хотите? Этот дворец будет ваш. Напишите вашему отцу, позовите его в гости, если это доставит вам удовольствие. А мне всё равно. Вы уж не взыщите, если я вас чем-нибудь обидел... Я ведь дровосек... Дровосеком родился, дровосеком и умру! Да вы не плачьте! Чего ж тут плакать?..

Алели залилась слезами.

— Ах, Зербино! — воскликнула она. — Чем я провинилась, что вы так жестоки со мной? Верно, я очень дурна и зла, если вы совсем, совсем не хотите меня любить!

— Ещё чего выдумаете! — Зербино развёл руками. — Я своё место знаю. Да полно вам плакать, это ни к чему не поведёт. И далась же вам эта любовь! Ну вот, опять слёзы!.. Да хорошо, хорошо, если уж вам так хочется, я тоже хочу любить вас!

И вдруг Зербино схватился за сердце, кровь отлила от его щёк, он посмотрел на Алели глазами, полными слёз, и прошептал прерывающимся голосом:

— Я вас люблю, Алели! Я люблю вас!

Не веря своим ушам, Алели взглянула на него и поняла, что и это желание Зербино исполнилось, как и все другие.

Что сказать в заключение?

Говорят, что король Мушаммель, узнав, где находится принцесса Алели, приезжал навестить дочь и зятя, но провел с ними всего один день, так как опасался, что радость свидания может повредить его здоровью.

А Зербино и Алели счастливо прожили до ста лет (а может быть, и больше) в прекрасном замке, который подарила им фея вод.

И если вы тоже хотите быть счастливыми, знайте: прежде всего надо научиться желать. То, чего вы сильно хотите, непременно сбудется.